

Д. Маркус

О СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ США, ЕЕ ПРОБЛЕМАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ

Ключевым событием в жизни социокультурной антропологии США с начала 1980-х годов было, образно говоря, то, что корабль дисциплины снялся с тех якорей, на которых он простоял большую часть XX в. Безусловно, в тех или иных аспектах дисциплина до сих пор привязана к институциональной модели, в рамках которой формировалась идентичность антропологов начиная, скажем, с фигур “основателей”: Бронислава Малиновского в Англии или Франца Боаса в США. В университетах большинство антропологов по сей день начинают свой профессиональный путь с выбора региональной специализации по той или иной географической области за пределами США. (Хотя нельзя не отметить, не многие из них получают такую качественную региональную подготовку, какая давалась и поощрялась в период 1950-х–1970-х годов, когда атмосфера холодной войны и политика социальной модернизации выливались в повышенные инвестиции в сферу междисциплинарных региональных исследований – инвестиции, которых сегодня, конечно же, нет. Угасанию интереса к принципу построения антропологического знания на фундаменте традиционных “зарубежных этнографических регионов” способствовало и то, что постепенно Западная Европа и современная культура США вошли в число важных объектов антропологического исследования.)

Кроме того, в последнее время некоторые виды специализации по проблемному принципу приобрели статус, сравнимый со статусом регионального способа специализации в прошлом.) Далее, большинство антропологов до сих пор связывает свою исследовательскую деятельность (по крайней мере, в инициационной – студенческой и аспирантской – фазе своей работы) с рамками так называемого этнографического полевого метода, этос и педагогическая мифология которого также выросли в русле традиции, заложенной отцами-основателями дисциплины. Но многое в жизни и деятельности антропологов, – например, то, как складываются их научные и жизненные пути; как эти пути осмысливаются; какое значение вкладывается в личный опыт полевой работы; как концептуализируется объект исследований; какие дисциплины видятся союзниками антропологии, – очень многое изменилось самым кардинальным образом.

Когда в начале 1970-х годов я начал свой профессиональный путь антрополога как аспирант Гарвардского университета, то он вполне вписывался в рамки обычной модели дисциплинарного воспроизводства. Я получил “идентификацию” специалиста по Океании и отправился проводить длительные полевые исследования в западной части Полинезии (большую их часть – на островах Тонга). В задачи моих полевых исследований входило изучение традиционных для антропологии вопросов родства, ритуала, религии и социальной организации. Хотя к этому времени новые веяния (французский постструктурализм М. Фуко и Р. Барта, феминизм, междисциплинарные подходы в британских культурных исследованиях, попытки применения структуралистских концепций в истории и попытки переосмысления политики и этики полевой работы, вызванные ростом общественно-интеллектуальных волнений в бурный период конца 1960-х годов) уже присутствовали если не непосредственно в аудитории, то во всяком случае в университетской среде за пределами ауди-

тории, все же мое поколение начинало свой путь с проектов, которые укладывались в традиционную парадигму “народов и регионов”.

И хотя мы пытались внести в содержание наших проектов какие-то новые или альтернативные способы видения предмета исследований, по их самой форме эти проекты все равно оставались проектами, основным предназначением которых было пополнение некоего глобального этнографического архива за счет очередной порции сравнительных данных. Эти проекты являлись частью грандиозного исторического предприятия (предприятия незаконченного или, можно было бы сказать, прерванного, но тем не менее до сих пор сохраняющего свою идеологическую гегемонию) по созданию общей науки о человеке. Роль социокультурной антропологии в этом предприятии заключалась в описании народов, которые вели если не “досовременный”, то во всяком случае “несовременный” образ жизни.

В то время многие аспиранты, особенно на кафедрах, подобных гарвардской, уже не очень верили в действенность подобных принципов построения дисциплины, но участие в практической деятельности дисциплины (особенно в полевых исследованиях, остававшихся тем самым элементом, который как раз и привлекал многих к антропологии) так или иначе означало следование этим принципам. Конечно, исследовательские проекты в антропологии США были весьма разносторонними в тот период (как, впрочем, и в более раннее, и в более позднее время). К примеру, в два первые послевоенные десятилетия под одной и той же рубрикой исследований социально-экономического развития антропологами предпринимались самые разнообразные проекты, в которых люди изучались одновременно как представители традиционной сельской культуры и урбанизирующихся слоев населения; как индивиды, имеющие специфическое место в социальной структуре собственного общества, и как индивиды, переходящие границы данной структуры и включающиеся в систему международного разделения труда. Но при всем этом разнообразии традиционная модель этнографического исследования – условно говоря, “модель Малиновского” – все равно оставалась в центре дисциплины, и набор практических приемов, диктуемых этой моделью, в свою очередь, оказался закрепленным в модели университетской подготовки специалистов, которая определяла, что можно и что нельзя молодым ученым, входящим в дисциплину.

В настоящее время антропологию в США до сих пор характеризует большое разнообразие интересов (хотя мозаика этих интересов сложена уже по-другому и осмысливается по-другому), и принципы региональной специализации и полевой работы до сих пор остаются в той или иной мере определяющими, но категориальный аппарат, понятие о включенности любого этнографического исследования в более широкий социально-политический контекст и условия и способы проведения полевых исследований на практике, как я уже отметил, изменились самым кардинальным образом. То, что в период активной деятельности моего поколения только начинало вырисовываться, – сегодня общая реальность. Программы культурно-антропологических и социально-антропологических исследований в университетах формируются под воздействием ряда междисциплинарных стимулов, совершенно отличных от тех, что формировали дисциплину в период ее профессионального становления. Темы и дискуссии, в которых в тот период отражались ожидания дисциплинарного сообщества, сегодня перешли из актива в пассив дисциплины – в своего рода “историографию” (собственно говоря, они даже преподаются все чаще и чаще в рамках курсов по историографии). Новые темы и области интересов в дисциплине возникают и намечаются чаще в ходе дискуссий и диалогов с другими дисциплинами по общим и частным проблемам культурных и социальных исследований, чем в ходе внутривидеодисциплинарных дебатов о предмете этнографического исследования.

Вполне может быть, что исследовательский настрой сегодняшней социокультурной антропологии (проявляющийся в ее теоретических и предметных интересах, в

ее методологической открытости и жанровых особенностях) до сих пор отражает тяготение к той междисциплинарной атмосфере 1980-х – середины 1990-х годов, дух которой еще продолжает жить в разрозненных академических кругах и сообществах, являясь своего рода дискурсивной средой, в которой антропологи все еще стараются “опробовать” и “обкатать” свои проекты. Концепции этих проектов продолжают выходить за границы той концептуальной сферы, которая окружала антропологические исследования в прошлом.

Конечно, можно сказать, что в некотором смысле антропология в США всегда была такой по настрою – любопытство постоянно толкало ее на зоны собственной периферии и навстречу другим академическим сообществам. Но до конца 1970-х годов этот настрой все же координировался из дисциплинарного центра. Междисциплинарные дискуссии – их правильнее было бы назвать “метадискуссиями” – возникали, как правило, в рамках самой антропологии, и наиболее влиятельными из них оказывались те, которые по разным причинам были наиболее престижными. Соответственно такие течения, как структурализм или когнитивная антропология, были важными с точки зрения центра и потому тщательно изучались в университетах. Сегодня центр, если таковой существует, больше не имеет подобной координирующей силы, и из тех тем, которые стали возникать в первые три послевоенные десятилетия, но остались “несанкционированными” центром, – современные культурные трансформации, политический контекст, постколониализм, глобализация и др., – как раз и складывается та материальная среда, из которой в предметном отношении вырастает большинство профессиональных исследовательских проектов. В теоретическом отношении эти проекты чаще всего опираются на положения разнообразных социально-культурных теорий, выработанных в тех или иных областях за пределами антропологии.

Таким образом, мое поколение ученых оказалось одним из последних поколений, пришедших в антропологию по протоптанной тропинке “народов и регионов”. Это поколение ощущало новые веяния вокруг себя, но, наверное, все-таки пыталось поместить их в рамки прежних шаблонов. Впрочем, многое в антропологии 1970-х годов изменилось именно в результате такого рода деятельности. Например, новые успехи в изучении классических проблем родства и социальной организации среди народов Меланезии и аборигенных народов Австралии были достигнуты благодаря тому, что антропологи попытались взглянуть на эти проблемы в свете современных интеллектуальных веяний, в частности гендерных исследований, которые переставили краеугольные камни в дебатах о родстве.

Но все же подобные примеры были лишь последними вспышками света в старой исследовательской традиции, в целом направленной на изучение обществ как своего рода изолированных структур. В скором будущем центр внимания переместился на изучение жизни тех же самых народов в контексте взаимосвязанного и взаимозависимого колониального и постколониального мира, а также в контексте современных условий глобализации, тенденций так называемого этнического возрождения и разнообразных движений коренных народов.

Возможно, работа с этнографическим архивом “народов и регионов” когда-нибудь возобновится и ее цели будут переосмыслены, но признаков этого пока на горизонте нет. Взаимоотношение между тем, что раньше было в центре дисциплины, и тем, что было на ее периферии, в настоящее время изменилось не просто в общем формальном раскладе тем исследований, диссертаций и семинаров, но, что гораздо более существенно, в неформальной атмосфере общения между аспирантами и преподавателями на кафедрах – даже на тех, где “модель Малиновского” продолжает оставаться своего рода идеалом.

Далее, характер самовосприятия начинающих антропологов как профессиональных работников также заметно изменился – возросла необходимость ощущать себя

активистом. Даже если на самом деле антропологи не собираются всецело посвящать себя образу жизни активиста, они часто занимают активистскую позицию, по крайней мере, в своих научных работах. Иным словом, во многих проектах присутствуют некие этические цели и идеалы социальной справедливости. Это – не просто показной жест или результат двух десятилетий консервативной внутренней политики США, стремившейся отвлечь леволиберальную интеллигенцию от политического участия (и таким образом превратившей полевую работу, в случае антропологии, в альтернативное пространство, где молодое поколение могло бы выразить свои политические симпатии). Это – явление, отражающее саму глубинную суть полевой работы в современных условиях. Этнографическая полевая работа, как межкультурное столкновение в сегодняшнем идеологически поляризованном мире, неизбежно и изначально политизирована. Активистская ориентация молодого поколения – сознательная реакция на данные условия и понятный ответ на консервативную модель классического “беспристрастного” ученого.

Все отмеченные выше сдвиги можно рассматривать в двух контекстах: институционального развития антропологии США как исследовательской сферы, построенной по принципу “четырёх областей” (физическая антропология, социокультурная антропология, археология и лингвистика), с одной стороны, и восприятия социокультурной антропологии широкой публикой – с другой. Социокультурная антропология – лишь одна из областей общей антропологической науки в США, но это – область наиболее крупная по количеству работающих ученых, наиболее развитая в институциональном отношении и наиболее известная публике. (Традиционно в США она именовалась “культурной антропологией”, но поскольку в отдельных центрах и среди отдельных ученых все же предпочиталось название “социальная антропология”, я буду условно называть ее здесь социокультурной антропологией.)

Траектория развития социокультурной антропологии в последнюю четверть века в действительности пошатнула принцип четырех областей, и по поводу самой идеи “общей антропологии” уже давно существуют разногласия. Эти разногласия, которые пока лишь изредка приводили к реальным внутрикафедральным расколам, до сих пор предпочитается улаживать (чаще по профессиональным соображениям, реже – из ностальгических мотивов, но и в тех, и в других случаях, как правило, присутствует элемент сентиментальности). Риторика “общей антропологии”, как ни странно, продолжает настойчиво сохраняться даже в дискурсе самой социокультурной антропологии. Но дело, конечно, в том, что именно социокультурным антропологам труднее всего примирить свои растущие амбиции с тем, что публика (как научная, так и ненаучная) продолжает видеть в них экспертов по “примитивному”, “экзотическому” и “досовременному”, полагая, что даже если социокультурные антропологи иногда и могут сказать что-то интересное о современном мире, то это все равно по той причине, что они рассматривают его с точки зрения чего-то “архаичного”.

Одним словом, публика до сих пор воспринимает социокультурную антропологию такой, какой она была половиной столетия ранее. Риторика “общей антропологии” только усиливает тенденцию такого восприятия. Но в гораздо большей мере проблема восприятия социокультурной антропологии как в научном, так и в ненаучном мире состоит в том, что социокультурные антропологи до сих пор не смогли внятно озвучить (как для других, так и для самих себя) те перемены в собственных поисковых стратегиях, которые отражают перемены, уже пришедшие *de facto* в практику этнографических полевых исследований за период с начала 1980-х годов.

Проблема, таким образом, заключается в том, что социокультурные антропологи, научившиеся компетентно выступать против предубеждений и стереотипов в современном американском обществе, все равно воспринимаются этим обществом

преимущественно как знатоки “других” культур (чаще всего далеких и экзотических). Общественная легитимность социокультурной антропологии покоится на понятии о том, что она занимается именно таковыми. Но будущее социокультурной антропологии связывается самими учеными с иной исследовательской программой – программой, в выполнение которой они уже активно включены, но четкое определение и рефлексивное обоснование которой они еще не дали. На самом деле момент пересмотра и переутверждения внутридисциплинарных положений, которые могли бы конкретно означать место дисциплины как в сфере общей антропологии, так и в обществе, еще не наступил, хотя, казалось бы, он близок. Однако его приближение, как ни странно, пытаются искусственно замедлить по политическим причинам и сентиментальным поводам. Это – тот самый “двойной зажим”, который характеризует сегодняшнюю социокультурную антропологию в США.

1980-е годы и после: назад дороги нет

Неконформистские тенденции, направленные против догматизма официальной антропологии, стали возникать уже в 1960-х годах и даже раньше. Антропология была составной частью системы колониализма и не могла укрыться от наследия этого прошлого в ее настоящем. Позитивистский язык, характеризовавший академическую антропологию, не согласовывался с характером полевых исследований, что стало особенно очевидным после нашумевшей публикации дневников Б. Малиновского в 1967 г. Узко понимаемая идея культуры стала видеться плохим и несовершенным стимулом для дальнейших исследований. Словом, антропология была достаточно самокритичной и скептически настроенной дисциплиной задолго до 1980-х годов.

Специфичность 1980-х годов состояла в том, что в это время многие дисциплины – особенно гуманитарные, такие как история и литературоведение – в поисках общественно-значимой роли заинтересовались концепциями и исследовательскими стратегиями социокультурной антропологии. В истории и литературоведении вопрос о том, как конституируются культурные различия и как они эксплуатируются разными режимами власти, стал рассматриваться в гораздо более широкой перспективе, чем, скажем, в той же социокультурной антропологии предшествующего периода. Незападные культуры, субкультуры этнических и социальных меньшинств стали искренне привлекать внимание ведущих исследователей в данных дисциплинах. В то же время западные общества только начали выходить из периода реакции, последовавшей за потрясениями 1960-х годов, и леволиберальное крыло академического сообщества не сразу нашло каналы для выражения своих политических позиций. Критический настрой леволиберального крыла развивался постепенно: от более или менее аполитичных постмодернистских направлений до направления культурных исследований, впитавшего в себя многое из британской марксистской традиции.

Интерес этого круга ученых, таким образом, первоначально стали привлекать не большие общественные теории, а микроисследования реальной повседневной жизни, исследования, которые могли озвучить проблемы существования тех, кто в рамках больших теорий всегда оставался анонимным субъектом, т.е. по сути дела этнографические исследования. (Тенденцию к отходу от глобальных схем к микроисследованиям на время нарушил, пожалуй, лишь приход социобиологии в середине 1970-х годов, – направления, которое после драматического шествия по сцене социальных наук затихло, но сегодня вернулось в рамках другого направления, известного как эволюционная психология. В целом можно отметить, что текущий момент в США опять характеризуется появлением интереса к теоретическим макронарративам и крупным объяснительным схемам в сфере наук о человеке, но, за исключением той же эволюционной психологии, выделить какие-либо другие схемы, прибли-

жающиеся по значению к структуризму, марксизму или, скажем, парсоновской социологической теории в прошлом, пока что трудно.)

К началу 1980-х годов эти тенденции в гуманитарных науках пересеклись с внутренними критическими настроениями в социокультурной антропологии в сфере исследования эпистемологических особенностей этнографической практики и жанровых особенностей антропологического творчества. Наиболее часто цитируемой работой в данной сфере до сих пор является сборник "Writing Culture" (Clifford et al. 1986)*, но на самом деле существовали и многие другие работы, причем корпус работ, появившийся в рамках феминистской антропологии, также внес существенный вклад в изучение данной проблематики. Интерес к переосмыслению методов получения знания в этнографической практике и методов репрезентации этого знания в профессиональном антропологическом творчестве в тот момент собрал воедино самые разнообразные настроения в антропологическом сообществе и стал своего рода катализатором процесса активных исследований во многих областях. Этот интерес стимулировал поиск новых форм антропологических исследований и привел антропологию в более тесный контакт с соседними гуманитарными и общественно-научными дисциплинами.

Например, через сотрудничество с литературоведением антропология открыла для себя богатый фонд критической интеллектуальной мысли французского постструктурализма. В сотрудничестве с историками антропологи обнаружили целый ряд плодотворных способов соединения этнографических исследований с исследованиями в области социальной истории. В дальнейшем комплекс исследований в рамках так называемой постколониальной критики (явившийся результатом деятельности главным образом историков и литературоведов южноазиатского происхождения, работавших в университетах США, Великобритании и Австралии) оказал огромное влияние на формирование того, что сегодня уже считается стандартными исследовательскими направлениями социокультурной антропологии США.

В те же 1980-е годы стал наблюдаться рост интереса к новым – более реалистичным и менее официозным и формалистским – исследованиям в области истории антропологии и историографии. Важность реалистичного, не формалистского, взгляда на историю дисциплины в нашей области исследований трудно переоценить (причем даже трудно сказать, кому такое знание важнее – студентам и аспирантам или самим преподавателям). Появление корпуса замечательных работ в данной области, вдохновителем которых во многом был Джордж Стокинг, сыграло существенную роль в освобождении антропологии от ряда стереотипов и комплексов, которые в той или иной мере мешали ее развитию, ибо эти работы внесли значительный вклад в процесс разоблачения (или лучше было бы сказать "демистификации") тех авторитарных механизмов воздействия в этнографическом сообществе, которые нередко отражались на процессе развития дисциплинарных парадигм и схем знания. Эти работы позволили понять многое о том, почему дисциплина сегодня развивается так, как она развивается.

Таким образом, как результат опробования новых тем и переосмысления старых, на протяжении 1980-х годов антропология постепенно менялась вслед за соседними дисциплинами в гуманитарной и общественно-научной сфере. Методологическая и концептуальная открытость, которая поначалу характеризовала новаторские работы в области сравнительного литературоведения, а затем работы в области культурных исследований, сегодня характеризует большую часть этнографических работ. Важным и необходимым аспектом этнографической деятельности стало более серьезное осмысление взаимоотношений между этнографами и изучаемыми людьми в ус-

* Труднопереводимая игра слов в названии: "Записывающая культуру"/"Пишущая культура" (примеч. пер.).

ловиях полевой работы. Ясно, что сегодня этнографы уже не могут изображать их "объект" в своих статьях и монографиях в таких "объективных" красках, в каких они могли изображать его ранее. Это, однако, не только результат критического переосмысления дисциплинарной практики и этики антропологами, но и результат изменившихся условий в самом "поле". "Объекты" антропологии никогда не были статичными – они находились в процессе глубоких метаморфоз даже в период кажущейся стабильности колониальной эпохи. Что касается последней четверти XX в., то в это время огромные и быстрые изменения в жизни народов стали наблюдаться повсюду.

Вслед за этими изменениями стали меняться и веяния в гуманитарных и социальных науках. Ко второй половине 1990-х годов мир постепенно перешел из непредсказуемого состояния "постмодернизма" в несколько более предсказуемое состояние "глобализации". Творческий импульс и эвристический потенциал 1980-х годов начал усваиваться в научном сообществе. В социокультурной антропологии подход к исследованию культуры через призму "народов и регионов" уступил место более эффективной практике изучения процессов формирования и трансформирования культурной и социальной идентичности. Культура как феномен теперь не представляла в антропологических трудах в таком холистическом эссенциалистском облике, как раньше, а вырисовывалась как гораздо более реалистичное по характеру явление – фрагментированное и пронизанное нитями исторических процессов, связывающих глобальное и локальное.

Поворот к данной форме антропологического анализа культуры в 1990-х годах был хорошо отражен в ряде проектов, таких, например, как дискуссионно-исследовательский проект журнала "Public Culture", основанного Арджуном Аппадурай и рядом других ученых. В то же время другие группы исследователей начали активно работать в достаточно новых для антропологии направлениях (междисциплинарные исследования культуры средств массовой информации, корпораций, рекламы, рынков, воздействия высоких технологий на общество и др.) – направлениях, которые еще более сместили интерес антропологического сообщества от регионального к проблемному принципу построения научных проектов.

Таким образом, если по своей формальной структуре система антропологического образования все еще тяготеет к более старым, традиционным принципам организации, а в воображении широкой публики сама антропология все еще предстает в своем старом, традиционном амплуа, то с точки зрения стратегий исследования, применяющихся на практике, с точки зрения проводимых проектов и ставящихся тем и с точки зрения взаимоотношений между субъектом и объектом исследования в процессе полевой работы сегодняшняя антропология очень существенно отличается от антропологии конца 1970-х годов. Причина этого странного несоответствия, как я уже отметил, во многом кроется в том, что социокультурные антропологи до сих пор не оформили свою позицию (позицию, изменившуюся *de facto*) в своем собственном, внутреннем, дисциплинарном дискурсе. По большей части они излагают суть этой позиции в своих взаимоотношениях с другими дисциплинами и более широкими научно-исследовательскими программами, в которых они сами оказываются задействованы как участники. В некотором смысле (и, может быть, несколько преувеличивая) можно сказать, что социокультурных антропологов сегодня больше привлекают те исследовательские проекты, которые имеют большую ценность в контексте других дисциплин и областей знания, нежели в контексте антропологии.

Например, в медицинской антропологии, одной из наиболее энергично и успешно развивающихся субдисциплин антропологической науки в США, исследовательские цели и приоритеты конституируются преимущественно во внедисциплинарном контексте, и уже только по факту успешности этого конституирования "вне дисциплины", за пределами антропологии, они в свою очередь обретают своего рода внутри-

дисциплинарный статус и престиж. То же самое можно сказать о статусе и престиже другого быстро развивающегося направления – направления исследований проблем высоких технологий, иногда называемого “STS” (“Science and Technology Studies”); ибо в самой антропологии нет ни методологического аппарата, ни концептуальных ресурсов, с точки зрения которых исследовательские задачи данного направления могли бы адекватно конституироваться. Существенная разница между настроем 1980-х годов и настроем 1990-х годов заключается в том, что 1980-е годы были пропитаны интересом к встраиванию новых рубрик знания в дисциплинарный дискурс – интересом, который в 1990-х годах оказался в значительной мере утрачен.

И все же это не означает того, что антропология в США находится в состоянии дезориентации и распада. Скорее это означает то, что антропология находится в состоянии неведения относительно собственной дисциплинарной области. У антропологов нет чувства собственного “дисциплинарного места” в тех сферах, которые сегодня их наиболее привлекают и в исследование которых они действительно вносят заметный вклад. Ситуация, надо признать, такова, что во многие из подобных сфер антропологи приходят с запозданием, по сравнению с другими исследователями, и их деятельность часто приобретает производный характер, поскольку необходимо встраивается в уже существующие исследовательские программы и модели. Более того, даже в своей собственной сфере – сфере исследования аспектов жизни у других народов, в других регионах – антропологи начинают испытывать сходные проблемы, ибо нет такого аспекта, который сегодня журналисты не затронули бы раньше, чем антропологи; причем журналисты, работающие в области так называемой исследовательской журналистики, нередко справляются с задачей классического этнографического описания не хуже, чем антропологи. Все это неминуемо наталкивает на вопрос о том, есть ли, в контексте современных условий, что-либо отличительное в этнографическом способе исследования реальности.

Социокультурным антропологам над данным вопросом, конечно же, стоит поразмыслить. Этот вопрос непосредственно смыкается с уже упомянутой и до сих пор не выполненной задачей пересмотра общей дисциплинарной программы социокультурной антропологии как области знания. Но, как бы то ни было, представляется определенным, что дороги назад, к архивной функции социокультурной антропологии как “каталогизатора” народов и регионов, на горизонте пока нет. Корпус теорий, концепций и тем, некогда поддерживавших эту функцию, сегодня находится в, так сказать, подвешенном состоянии – время от времени им пытаются найти применение, иногда находят, но в большинстве случаев не могут найти, поскольку этому препятствуют сами условия, в которые в сегодняшнюю противоречивую эпоху глобализации поставлена этнографическая полевая работа.

О дебатах последних двух десятилетий XX в.

Говоря о восприятии социокультурной антропологии в американском обществе в последние два десятилетия XX в. и в настоящее время, интересно привлечь внимание к ряду громких (порой – скандальных) дисциплинарных дебатов, выплеснувшихся в более широкую общественную сферу через средства массовой информации (все приведенные ниже случаи, кроме одного, были освещены даже в центральной газете “New York Times”). Показательно прежде всего то, что если в 1960-е годы скандалы, имеющие отношение к антропологии, были связаны в основном с причастностью дисциплины к американским геополитическим проектам и с ее близостью к неоколониальной политике, то к 1980-м годам они переместились в область репрезентации традиционных “объектов” антропологии. Способы антропологической репрезентации и ее социальные последствия оказались в самом центре внимания. (Имели место, конечно, и дебаты другого характера, но я останавливаюсь здесь лишь на тех, ко-

торые можно рассматривать как симптомы внутридисциплинарных изменений. Так, дебаты, развернувшиеся вокруг работ Карлоса Кастанеды, к примеру, выражали не столько внутридисциплинарные тенденции, сколько специфические настроения и надежды альтернативной молодежной культуры в обществе 1960-х–1970-х годов. Таким же образом, дебаты вокруг дела Салмана Рушди, хоть они и глубоко затронули антропологическую аудиторию, были все же не симптомами внутридисциплинарных изменений, но симптомами исторических изменений в том мире, который антропология пыталась изучать наравне с другими общественными науками.)

Первый пример, который следует упомянуть, имеет отношение к громким дебатам, разгоревшимся вслед за публикацией книги австралийского антрополога Дерекка Фримена, в которой была поставлена под сомнение достоверность изображения самоанской культуры в ранней работе Маргарет Мид “Взросление на Самоа” (*Freemantle* 1983). Критический выпад Д. Фримена был сделан через несколько лет после смерти Маргарет Мид и через несколько десятилетий после того, как работа “Взросление на Самоа” перестала быть актуальной в антропологии и заняла свое скромное место в ряду усвоенной классики. Однако в восприятии образованной публики в США она все же продолжала ассоциироваться с классическим фондом культурной антропологии, олицетворявшим гуманистические начала дисциплины и идеи культурного релятивизма, привнесенные антропологией в гуманитарные и социальные науки. Критика Д. Фримена (которая после выхода его книги развернулась в публичной форме и в которой работа “Взросление на Самоа” была выставлена в почти карикатурном виде, а сама Маргарет Мид изображена как наивнейшая исследовательница) поставила антропологическое сообщество в крайне неловкое положение и заставила его защищать перед лицом публики работу хоть и устаревшую, но все же продолжающую занимать важное место в общественном сознании и в идейной области дисциплины. И все это, как ни иронично, произошло в тот самый момент начала 1980-х годов, когда в антропологии США предпринималась попытка наиболее самокритичного переосмысления той же самой идейной области дисциплины посредством анализа собственных методов репрезентации, унаследованных от классических работ.

Второй пример имеет отношение к дебатам, возникшим из спора между Гананатом Обейзекером и Маршаллом Салинсом в середине 1990-х годов. Спор начался с того, что Г. Обейзекер (специалист по Южной Азии и антрополог, на которого большое влияние оказало направление постколониальной критики, зародившееся, как уже было сказано, в деятельности историков и литературоведов южноазиатского происхождения, но вступившее на сцену после публикации известного труда Эдварда Саида “Ориентализм”) забросил свои исследования в Шри-Ланка и переключился на написание книги, в которой решил подвергнуть сомнению выводы М. Салинса, ведущего специалиста по антропологии Полинезии, относительно столкновения экспедиции капитана Кука с гавайцами (*Obeyesekere* 1994; *Sahlins* 1996). С одной стороны, этот спор имел характер типичнейшей научной дискуссии о фактах и интерпретации, с другой стороны, дебаты, в которые он вылился, опять же приняли характер дебатов о репрезентации “другой” культуры (был ли факт обожествления Кука гавайцами выражением их образа мышления, или это был попросту европейский миф, т.е. репрезентация, вытекающая из определенных понятий европейцев о “примитивных” обществах?). Эти дебаты не достигли широкой публики, но если бы достигли, то вполне могли бы задеть общественное мнение.

Третий пример – громкие дебаты, разгоревшиеся вслед за тем, как антрополог Дэвид Столл уличил в недостоверности шумевшую книгу Ригоберты Менчу – гватемальского (майя по происхождению) автора, удостоенного Нобелевской премии мира. Когда в 1987 г. эта книга (“Я, Ригоберта Менчу”) о притеснении и истреблении майя в Гватемале вышла на английском языке, она получила огромный резонанс

как свидетельство вопиющих нарушений прав человека в то самое время, когда мультикультурализм как гуманистическая идеология меньшинств и этнических групп начал распространяться в леволиберальных кругах и политическом дискурсе (Menchu 1987). Десятилетие спустя антрополог Д. Столл, проводивший исследования в тех местах, которые описывала Ригоберта Менчу, опубликовал собранный им материал, свидетельствующий о недостоверности фактических данных, приводимых в нашумевшей книге (Stoll 2000). В центре скандала, последовавшего за этой публикацией, оказалась снова репрезентация – репрезентация истины о “другой” культуре. Иначе говоря, имело место столкновение антропологической репрезентации, опирающейся на практику “объективной” научной фиксации наблюдаемого материала, и, так сказать, саморепрезентации антропологического “объекта”, опирающейся на другую (“ненаучную”) практику осмысления сложных жизненных реалий. Это было столкновение суровой антропологической истины (не испытавшей на себе влияние эпистемологической критики 1980-х годов) и суровой истины “объекта” антропологии, научившегося говорить своим собственным голосом от своего лица. В данном смысле это столкновение было характерным явлением новой исторической эпохи, которая кардинально изменила характер взаимоотношений между объектом и субъектом антропологического исследования. Дебаты, окружавшие это столкновение, были освещены в ряде интересных публикаций, в которых обсуждались проблемы взаимоотношений антропологического сообщества с сообществом изучаемых им людей (Arias 2001).

Четвертый и последний пример – скандал, последовавший за публикацией книги журналиста Патрика Тирнея “Тьма в Эльдорадо”, в которой анализировались малоизвестные факты этнографической полевой работы Наполеона Шаньона среди яномами, а также общее направление биомедицинских исследований в антропологии, в рамках которого предпринимались проекты Н. Шаньона. Книга П. Тирнея была настолько острой, что практически вынесла общественный приговор вмешательству антропологов в жизнь яномами (Tierney 2002). Следует учесть, что в американской антропологии яномами приобрели образ своего рода архетипического “традиционного” народа во многом именно благодаря трудам Н. Шаньона, чья монография “Яномами” (вышедшая в 1968 г., но с тех пор много раз переиздававшаяся) долгое время была одним из стандартных учебных пособий во вводных курсах по социокультурной антропологии (Chagnon 1968). О выводах Н. Шаньона, впрочем, в свое время много и долго спорили, но о реальном контексте, в котором проводились его исследования, известно было немного. Именно на этот контекст и пролила свет книга П. Тирнея, в которой полевая работа Н. Шаньона была рассмотрена как составная часть долговременного проекта по исследованию биомедицинских проблем – проекта, который, по утверждению П. Тирнея, принес немало бед яномами. Дебаты, разгоревшиеся после публикации журналиста, вылились в скандал гораздо более масштабный, чем все вышеуказанные. В данном скандале оказались затронутыми не только вопросы репрезентации “других” культур в антропологическом дискурсе, но и вопросы цены научной истины, вопрос о технологическом развитии как о скрытом ассимиляционном механизме и вопрос о политическом векторе межкультурного контакта в современном глобализующемся мире.

Эти дебаты и скандалы дают определенное понятие о том, что на самом деле антропология сегодня впутана в гораздо более сложную сеть взаимоотношений с обществом, чем та, в которой она находилась в колониальный период в рамках “модели Малиновского”. Поэтому большинство современных этнографических проектов, какими бы разнообразными они ни были, характеризует одна общая специфическая черта: среди множества исследовательских задач, ставящихся в них, необходимо присутствует задача исследования тех общественных условий, которые позволяют антропологу производить знание о “других” культурах.

Разумеется, эти дебаты и скандалы, при всей их показательности, высвечивают лишь часть тех проблем, которые принес (и продолжает приносить) с собой изменившийся контекст антропологических исследований в последнее время – контекст, который все-таки осмысливается антропологами медленнее, чем хотелось бы. Но даже если они высвечивают лишь часть проблем, в глазах широкой публики они часто предстают как симптомы глобальной болезни антропологической науки. Учитывая, что публика и без того нередко воспринимает антропологию как неактуальную область знания, имеющую дело с описанием архаического и экзотического, можно понять, в какое трудное положение подобные скандалы ставят антропологическое общество. Они создают в обществе странный, искаженный образ дисциплины, которая в действительности старается быть современной и актуальной. Это несоответствие дисциплинарной практики существующему образу дисциплины в обществе сегодня все чаще и чаще обращает на себя внимание антропологов.

В поисках общественно-значимой антропологии

Среди тенденций развития антропологии в последнее время, таким образом, обозначилась отчетливая тенденция движения к общественно-значимой антропологии, к антропологии, которая была бы понятна публике, к антропологии, которая могла бы использовать богатый фонд накопленного исследовательского материала в целях продвижения нашего знания о настоящем, в целях лучшего понимания сложности культурно-исторических условий, в которых находится наше собственное общество и общества тех людей, что живут рядом с нами. Об этой тенденции свидетельствует ряд публикаций, появившихся в последние годы (напр.: *MacClancy* 2002). Но эта тенденция не нова. Она представляет собой продолжение того самого проекта культурной критики, присутствовавшего в западной антропологии со времени ее возникновения, который в значительной мере и определял интеллектуальный интерес к изучению “других” обществ. В недалеком прошлом эта тенденция проявлялась также и в многочисленных попытках создания эффективной действующей прикладной антропологии (несмотря на все проблемы, к которым порой приводили эти попытки).

И все же мне представляется, что сегодня в США интерес к приближению антропологии к общественно-значимым позициям гораздо более выражен, чем когда-либо в прошлом. На самом деле антропологи уже активно участвуют в самых разнообразных общественно-значимых проектах, но, как уже было отмечено, это участие странным образом не отражается ни в дисциплинарном дискурсе, ни в восприятии антропологии публикой (по крайней мере, отражается очень слабо). В некотором смысле можно, наверное, предположить, что упомянутая “личная позиция” активиста, которую многие молодые исследователи стараются выразить в своих этнографических работах, играет роль своего рода компенсирующего механизма в условиях отсутствия институциональных механизмов внутридисциплинарного и публичного признания общественно-значимой деятельности. Именно отсутствие подобных механизмов приводит также и к тому, что антропологов сегодня часто тянет “на сторону”, в другие дисциплинарные сферы, исследовательские сообщества и круги, в которых их работа получает хоть и ограниченное, но все же должное признание. Эта центробежная тяга имеет один существенный побочный эффект, на который нельзя не обратить внимание. Данный эффект состоит в том, что определяющей в деятельности нашего дисциплинарного сообщества (если воспользоваться уместным разграничением Чарльза Тейлора) постепенно становится не “политика идентичности”, а “политика признания” (*Taylor* 1992).

Это – та самая политика, которая все чаще толкает антропологов и на сотрудничество со средствами массовой информации. Присутствие в последних, с точки зре-

ния многих, может более эффективно утвердить ученого в роли общественно активного эксперта, чем, скажем, участие во внутривидеологических дискуссиях. Конечно, с одной стороны, можно только приветствовать тот факт, что антропологическое знание начинает более систематическим образом распространяться в обществе через средства массовой информации. Антропология, которая хочет быть значимой для общества, должна иметь информационные каналы связи с обществом. Но, с другой стороны, меня несколько беспокоит этот сугубо личностный характер мотивации деятельности ученых, диктуемый "политикой признания" (и, пожалуй, беспокоит не столько сам этот характер, то есть его присутствие, сколько то, что он по существу постепенно монополизует все пространство мотивации исследовательской деятельности вообще).

Тенденция к постановке антропологии на общественно-значимые начала, таким образом, представляет собой внутренне сложное и противоречивое явление. С одной стороны, оно отражает "взросление" академического сообщества, его желание быть причастным к судьбе собственной культуры и судьбам других культур, происходящее из более глубокого осознания того факта, что судьбы всех культур в сегодняшнем мире взаимосвязаны тесно как никогда. С другой стороны, оно отражает отсутствие действенного "центра" в дисциплине, способного организовать антропологическое сообщество, оформить его "взрослеющие" интересы и желания в рамках более или менее четкой дисциплинарной программы или стратегии и дать ученым, работающим в стольких разных областях, чувство общей идентичности.

С одной стороны, оно отражает желание ученых участвовать не в замкнутых внутрикорпоративных дискуссиях о методах, моделях и теориях, а в общественно-важных проектах, дающих антропологу возможность в полной мере ощутить на себе настоящую социальную ответственность и возможность получить должное публичное признание. С другой стороны, оно отражает рост "личностных" настроений в исследовательском процессе и отсутствие должного понимания того, что эффективность исследований все же зависит от развития концептуальных и теоретических средств и что дисциплина, образно говоря, должна постоянно переосмысливать свой исследовательский потенциал, если она хочет оставаться дисциплиной.

Вместо заключения

Антропология США в текущий период (как, впрочем, и во все предшествующие периоды) представляет собой динамично развивающуюся институциональную сферу и область знания. Внешне ее проблемы в чем-то сходны с ее проблемами в прошлом, но с точки зрения внутреннего содержания эти проблемы отличны не только от проблем 1960-х или 1970-х годов, но, как я постарался показать, уже и от проблем 1980-х годов.

В последнюю четверть века обозначилась тенденция если не отдаления социокультурной антропологии от ее традиционной сферы социальных наук, то, по крайней мере, ее сближения с гуманитарными областями знания. Представители социальных наук (во всяком случае некоторых направлений последних), с момента разрыва социокультурной антропологии с позитивистской тактикой исследований в конце 1970-х годов и 1980-х годах, стали все меньше и меньше понимать, в чем состоит смысл антропологических исследований. В то же время антропологические исследования стали привлекать к себе внимание в достаточно нетрадиционных сферах: в корпоративной среде, в маркетинговых и рекламных компаниях, в органах, занимающихся разработкой социальных программ. Представители данных сфер, долгое время полагавшиеся исключительно на количественные методы социальных наук в своих нуждах, стали проявлять интерес к качественным методам социокультурной антропологии – иначе говоря, к этнографическим микроисследованиям, в которых более

эффективно анализируются значимые детали социально-культурного контекста. В этом смысле социокультурная антропология приобрела определенный статус в отдельных сферах общества, который она ранее не имела.

Однако работа во всех этих новых областях – само по себе новое явление для антропологического сообщества, явление, которое, имея статус в сферах за пределами дисциплины, еще не получило определенного внутридисциплинарного статуса. Данное явление, которое представляет собой выражение того, что я предпочитаю называть полилокальным характером этнографической работы в современную эпоху, только начинает осмысливаться.

Осмысливаться только начинают и многие другие явления и проблемы, затронутые выше. Изменения в обществе, в “поле” и в самой практике этнографических исследований так стремительны, что они не успевают адекватно отражаться в дисциплинарном дискурсе. В то же время до сих пор присутствует и остаточное консервативное желание не отражать их в дисциплинарном дискурсе с тем, чтобы сохранить традиционную структуру антропологии как сферы, конституированной по принципу “четырех областей”. В следовании данному принципу (который уже давно является принципом по большей части на словах) проступает, с одной стороны, желание оставить все на таких институциональных позициях, на каких оно есть; с другой стороны – нежелание оставить в прошлом миф об антропологии как о “большой” науке, соперничающей с естественными науками.

Одним словом, проблем (как внутренних, так и внешних) антропологам предстоит решить немало. Радует то, что сообщество в целом настроено критично и самокритично и стремится обрести достойную, заметную роль в обществе. Пока недостает только энергии соединить этот общественный, активистский порыв с задачей внимательного переосмысления дисциплинарных основ, ибо дисциплина должна сохранять некую идентичность – идентичность, которая, как и все в нашем глобализующемся мире, может меняться, трансформироваться, эволюционировать, но все же должна оставаться узнаваемой и объединяющей. Во многом это – педагогическая задача, к решению которой нам необходимо привлекать все лучшее, отложившееся и откristаллизовавшееся в багаже нашей дисциплинарной традиции с замечательных для своего времени начинаний Ф. Боаса, Б. Малиновского и других основателей того, что мы считаем современной антропологией.

Литература

- Arias 2001* – The Rigoberta Menchu Controversy / Ed. A. Arias. Minneapolis, 2001.
Chagnon 1968 – *Chagnon N.* Yanomamo. N.Y., 1968.
Clifford et al. 1986 – Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography // Ed. J. Clifford. G.E. Marcus. Berkeley, 1986.
Freeman 1983 – *Freeman D.* Margaret Mead and Samoa: The Making and Unmaking of an Anthropological Myth. N.Y., 1983.
MacClancy 2002 – Exotic No More: Anthropology on the Front Lines / Ed. J. MacClancy. Chicago, 2002.
Menchu 1987 – *Menchu R. I.* Rigoberta Menchu: An Indian Woman in Guatemala. L., 1987.
Obeyesekere 1994 – *Obeyesekere G.* The Apotheosis of Captain Cook. Princeton, 1994.
Sahlins 1996 – *Sahlins M.* How “Natives” Think: About Captain Cook, for Example. Chicago, 1996.
Stoll 2000 – *Stoll D.* Rigoberta Menchu and the Story of Poor Guatemalans. N.Y., 2000.
Taylor 1992 – *Taylor C.* Sources of the Self: The Making of the Modern Identity. Cambridge (MA), 1992.
Tierney 2002 – *Tierney P.* Darkness in El Dorado. N.Y., 2002.